



УДК 1(091)

ГЕРАКЛИТ В МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКЕ: ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ПОИСК ИСТИНЫ ИЛИ УТИЛИТАРИЗМ ПАРТИЙНОЙ ФИЛОСОФИИ?



Жилин Владимир Ильич –

доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных, естественно-научных и правовых дисциплин,
Омский институт (филиал) Российского экономического
университета им. Г. В. Плеханова
E-mail: ZhilinVI@yandex.ru

В своём исследовании автор обнаружил, что материалистическая диалектика, впитавшая в себя «поставленную на ноги» диалектику Гегеля, вместе с тем дистанцируется от идей Гераклита, которые Гегелем были безоговорочно приняты. По мнению автора, истоки такого отношения советских философов к Гераклиту проистекают из идеологической установки, согласно которой массовому потребителю не следовало знать всех «отрывков» наследия Гераклита, так как, будучи родоначальником диалектики – метода и мировоззрения «передового класса», сам он питал ненависть к простым труженикам, считая их безвольными и ленивыми, далёкими от истины и от праведной жизни, порочными и безрассудными, которых лишь случай поднимает выше достойных людей.

Ключевые слова: Гераклит, диалектика, материалистическая диалектика.

Начало диалектики уходит ко времени 69-й Олимпиады, когда свои многозначные и недружелюбные по отношению к людям высказывания изрекал в Эфесе Гераклит по прозвищу Тёмный.

Открытая ненависть к окружающим (простым труженикам Эфеса) основоположника диалектики в советской (гуманистической) философии не афишировалась. Более того, и само имя Гераклита не особо упоминалось в фундаментальных основах марксизма. Так, С. Н. Муравьёв в «Философском энциклопедическом словаре» 1983 г. в статье, посвящённой Гераклиту, отмечает: «Гераклит (Ἡράκλειτος) из Эфеса (ок. 520 – ок. 460 до н.э.), древнегреческий философ, один из ионийских философов. От сочинений Гераклита, названных позднее “О природе” или “Музы”, сохранилось ок. 150 фрагментов, а также несколько сот свидетельств об учении, подражаний и т.д. Ввиду огромных трудностей филологического восстановления буквы и смысла дошедших текстов до сих пор нет сколько-нибудь общепринятого понимания учения Гераклита» [1, с. 109]. Удивительно, но взять в качестве фундаментальной основы своего учения о развитии (материалистической диалектики) идеи философа, а потом сказать, что «до сих пор нет сколько-нибудь общепринятого понимания» этих идей, выглядит, по меньшей мере, странно.

В этом же словаре, но в статье о диалектике, А. Ф. Лосев и А. Г. Спиркин отмечают: «Наиболее яркое проявление античная диалектика получила у Гераклита, согласно которому мир, находящийся в постоянном потоке, внутренне противоречив и мыслится в вечном становлении, движении, в единстве противоположностей» [2, с. 154]. Однако далее, вероятно, тоже принимая во внимание отсутствие «сколько-нибудь общепринятого понимания учения Гераклита», авторы вынуждены отделить зёрна от плевел и не допустить смешения идей «одного из ионийских философов» с незапятнанным и единственно верным учением Маркса – Ленина. Решая эту партийную задачу, А. Ф. Лосев и А. Г. Спиркин конкретизируют: «На основе философии Гераклита и элеатов возникла отрицательная диалектика софистов, которые, отойдя от диалектики бытия натурфилософов, привели в бурное движение человеческую мысль с её противоречиями, неустанным исканием истины в атмосфере постоянных споров. Однако, гипертрофируя относительность человеческого знания, они дошли до релятивизма, доведя диалектику до крайнего скептицизма» [2, с. 154]. Интересный поворот истории: Гераклит оказывается уже не предтечей диалектики Гегеля и, соответственно, материалистической диалектики; на основе философии Гераклита возникает отрицательная диалектика софистов, релятивизм и скептицизм – течения философской мысли, чуждые марксизму, с которыми советским философам приходилось вести непрестанную идейную борьбу. Более того, непосредственно А. Ф. Лосев [3] в капитальном труде по истории античной эстетики высказывает, опираясь на своё представление о сути философии, сомнение в том, что Гераклит вообще философ: «Если философию понимать как оперирование отвлечёнными терминами и понятиями, то Гераклит совсем не философ» [3, с. 378].

Несколько «странное» отношение советских философов к Гераклиту не могло в те времена



быть спонтанным, непродуманным. Истоки такого отношения к любому философу обязательно «проехали» из трудов «классиков» материалистической диалектики.

Впервые на некоторую странность по отношению к Гераклиту обратил внимание В. И. Ленин [4]. Конспектируя «Лекции по истории философии» Гегеля, В. И. Ленин замечает, что автор почему-то меняет местами Зенон и Гераклита. Гераклит идёт позже, но слова, сказанные Гегелем в его адрес, В. И. Ленин выделяет: «Здесь перед нами открывается новая земля; нет ни одного положения Гераклита, которое я не принял бы в свою Логик» [4, с. 234].

В истории философии хорошо известно, что Гегель, по большому счёту, возрождает Гераклита после более 2000 лет забвения, которое было обусловлено разгромной критикой со стороны Аристотеля. При этом к некоторому удивлению В. И. Ленина Гегель в «своей» истории философии ставит Зенон впереди Гераклита. И данная реконструкция истории, можно предположить, обусловлена не только схемой Гегеля, согласно которой диалектика идёт от «беспорядочного рассуждения, в котором не растворяется сама душа вещей» («внешняя диалектика»), к «имманентной диалектике», имеющей место в размышлении субъекта, и заканчивается диалектикой Гераклита – «объективной диалектикой». Историческая реконструкция, с моей точки зрения, используется Гегелем и как трюк, позволяющий наглядно продемонстрировать методологическую эффективность диалектики. Ведь Зенон, провозглашённый Гегелем в «обновлённой» им же истории «родоначальником подлинно объективной диалектики» [5, с. 273], мог в «обновлённой» истории своей философской доктриной, отрицающей движение, навредить диалектике. А изменив порядок исторических событий, который странным образом не соответствовал логике развития Абсолюта, Гегель не только привёл мир в надлежащий порядок, он ещё дал возможность Гераклиту высказать торжествующее послесловие к «диалектическим» возражениям Зенон по поводу диалектики. Ведь, с точки зрения Гегеля, «Зенон выразил бесконечное лишь с его отрицательной стороны, признал его вследствие его противоречивости неистинным» [5, с. 289]. Но, как известно из истории философии, Зенон, отстаивая воззрения своего учителя Парменида, демонстрировал абсурдность идей Гераклита. Гераклит же не имел возможности возразить. Но Гегель довольно легко эту «несправедливость» исправил. Ведь именно Гераклит вершина античной философии, полагает Гегель. И, поясняя свой взгляд на Гераклита, Гегель утверждает: «У

Гераклита же мы видим завершение предшествовавшего сознания, завершение идеи, её развитие в целостность, представляющую собою начало философии, так как он выражает сущность идеи, понятие бесконечного, в себе и для себя сущего, как то, что оно есть, а именно как единство противоположностей» [5, с. 289]. И всё встало, согласно Гегелю, на свои места. Круг замкнулся. Гармония восстановилась.

Возрождая Гераклита, Гегель вместе с тем принимает как основополагающие в свою систему и все положения его учения. При этом диалектика самого Гегеля входит составной частью в материалистическую диалектику. Но далее уже советские марксисты говорят, что «до сих пор нет сколько-нибудь общепринятого понимания учения Гераклита», а трудности восстановления смысла дошедших текстов «огромны». Некоторые, носящие характер гипотезы, разъяснения, предваряющие такую осторожность советских философов, можно найти у Ленина в «Философских тетрадах» в конспекте книги Ф. Лассалья «Философия Гераклита Тёмного». Уличая Лассалья в списывании Гегеля по поводу цитат из Гераклита и о Гераклите, В. И. Ленин, вместе с тем, отмечает: «Лассаль совершенно не знает чувства меры в этом сочинении, прямо-таки топя Гераклита в Гегеле. Это жаль. Гераклит в меру, как один из основоположников диалектики, был бы архиполезен: из 850 страниц Лассалья надо бы сделать 85 страниц квинтэссенции и перевести на русский: “Гераклит как один из основоположников диалектики (по Лассалю)”». Могла бы выйти полезная вещь!». [4, с. 308]. Гераклита на русском языке (т.е. для русских) надо в меру. В. И. Ленин знает, что говорит и что делает: людей, и особенно русских, необходимо информировать в меру, в меру, которую знает лишь авангард рабочего класса. Интересная забота о русских. Похоже, что именно это замечание Ленина о соблюдении меры в подаче для русских цитат из Гераклита и сведений о нём сделало в дальнейшем усилиями советских философов-энциклопедистов основоположника диалектики «одним из ионийских философов», который в образной форме «гармонии лиры и лука» обнаружил противоречие. Лениным было сказано, что из 850 страниц «цитат из Гераклита и о Гераклите» надо оставить 85, но каких именно он не указал, а потому, смею предположить, и возникли во второй половине XX в. «огромные трудности филологического восстановления букввы и смысла дошедших текстов» Гераклита.

И уже далее, по согласованному мнению советских философов, оказывается, что не Гераклит ввёл в философию идею изменчивости.



При этом и образ реки, на который ссылаются все философы, пишущие о диалектике, соединяя в себе мысль о текучести и становлении бытия, не может служить веским аргументом в диалектическом приоритете Гераклита. А. Ф. Лосев по этому поводу разъясняет: «В последующие времена, когда у греков развилась тончайшая диалектика становления, образ реки и многие другие яркие символы Гераклита были очень удобными тезисами для философских построений, равно как и прекрасной мишенью для диалектических ниспровержений. Этим, вероятно, и объясняется огромная популярность и невероятная раздутость гераклитова символа реки. Однако нет никаких филологических оснований приписывать определённое логическое содержание данному выражению и выставлять этот символ да и вообще учение о текучести как что-то основное, подавляющее, специфическое для Гераклита» [3, с. 381]. Интересное замечание. Хотя, с моей точки зрения, дополнительные филологические основания особо и не нужны для того, чтобы приписать образу реки определённое логическое содержание. А. Ф. Лосев проводит свою точку зрения далее: «Наоборот, если всерьёз относиться к образности языка дошедших до нас фрагментов Гераклита, то а priori сомнительно, чтобы он с этим образом связывал какие-нибудь отвлечённо-диалектические построения» [3, с. 382]. Вполне возможно и допустить вслед за А. Ф. Лосевым, что Гераклит не связывал с образом реки «отвлечённо-диалектические построения», однако такое допущение не исключает, что именно образ реки привёл и самого Гераклита и его последователей к определённым «отвлечённо-диалектическим построениям». И более того, конкретное, воплотившееся в образе, превратившись в образ, не может не быть абстрактным. А если принять во внимание, что Гераклит использует и образ реки, и образ огня в одном и том же смысле – как выражение тотального изменения (на тождественность отвлечённо-диалектических смыслов этих метафор обращает внимание и М. К. Мамардашвили [6]), то принять пунктуальную точку зрения филологов становится почти невозможно.

Складывается впечатление, что А. Ф. Лосев в своём видении творчества Гераклита исходит из своеобразного понимания художественного творчества, согласно которому художественный образ не возникает в творческом акте художника, а является лишь воплощением в чувственно-конкретной форме уже готовых (кем-то подготовленных) понятий – «каких-нибудь отвлечённо-диалектических построений». И это недоверие к идейной самости художников является довольно

распространённым в среде интеллектуалов, обладающих, согласно самооценке, способностью к «отвлечённо-диалектическим построениям». Распространённым, но не общепринятым. Полагаю, что есть разные художники. При этом переносить творческие приёмы «художников», обладающих технологиями художественной обработки идей глубокомысленных интеллектуалов на познавательное творчество Гераклита, как минимум, некорректно.

Так, П. В. Копнин [7], описывая становление и развитие художественного образа, настаивает, в частности, на том, что научное познание и познание художественное лишь специфичны и не являются двумя различными видами познания. В отличие от авторов, считающих художественный образ первосозданием готовых абстракций, П. В. Копнин утверждает: «Образование художественного образа происходит действительно по общим законам движения познания. А если так, то художник исходит не из готовой идеи, которую воплощает потом в чувственный образ, а из эмпирического материала, из наблюдений над жизнью людей в природе и обществе. Далее он идёт к обобщениям, к познанию сущности явлений, которое имеет свою специфику. Наука от чувственно-конкретного через абстрактное идёт к конкретному в мышлении, к познанию целого в абстракциях, искусство не порывает с чувственно-конкретным, оно подымает его до обобщения большого гносеологического, социального и эстетического значения» [7, с. 445]. А Гераклиту в такой способности почему-то отказали...

К. Р. Попперу, в отличие от советских философов, искавших партийную (выгодную для партии) истину на пути согласования (когеренции) и «общепринятого понимания», было проще, и в связи с этим, без озирания по сторонам, он сообщает: «Гераклит был философом, открывшим идею изменчивости» [8, с. 41]. Можно, конечно, не согласиться с К. Р. Поппером – известным критиком марксизма, но, как оказывается, и Ф. Энгельс – один из авторов материалистической диалектики – признавал приоритет Гераклита в философском открытии изменчивости мира. Отдавая должное диалектическим идеям всех древнегреческих философов, Ф. Энгельс отмечает: «Когда мы подвергаем мысленному рассмотрению природу или историю человечества или нашу собственную духовную деятельность, то перед нами сперва возникает картина бесконечного сплетения связей и взаимодействий, в которой ничто не остаётся неподвижным и неизменным, а всё движется, изменяется, возникает и исчезает. Этот первоначальный, наивный, но по сути дела правильный взгляд на мир был присущ древне-



греческой философии и впервые ясно выражен Гераклитом: всё существует и в то же время не существует, так как всё течёт, всё постоянно изменяется, всё находится в постоянном процессе возникновения и уничтожения» [9, с. 16].

Выходит, что и К. Р. Поппер, и Ф. Энгельс, даже будучи идейными антагонистами, вместе с тем одинаково признали заслуги Гераклита перед философией, перед человеческой мыслью. С их «общей» точки зрения, именно Гераклит впервые ясно и чётко заявил об изменчивости мира, именно он открыл идею изменчивости, ведь именно он, Гераклит, утверждал, что «всё течёт, всё изменяется», «всё становится и течёт, и нет ничего устойчивого», «дважды в ту же реку невозможно войти». Можно, конечно, уйти в дали (или шири) филологических интерпретаций этих выражений, но полезнее и проще отказаться от изощрённой экзегезы и принять, полагаясь на «правило вежливости» Декарта, высказывания Гераклита буквально – нет ничего устойчивого.

Трудно переоценить это открытие Гераклита. Философия, наука и обыденное мышление с тех пор пропитаны идеей движения, идеей изменчивости. Можно, конечно, не прийти к «обще-принятому пониманию» этого фрагмента учения Гераклита, особенно «ввиду огромных трудностей филологического восстановления буквы и смысла дошедших текстов», но это, с моей точки зрения, не является аргументом того, чтобы отказать в приоритете открытия фундаментального положения диалектики «одному из ионийских философов». Эта историко-филологическая позиция отечественных энциклопедистов вызывает удивление, особенно если принять во внимание, что Гегель все положения диалектики Гераклита включил в свою философскую систему, Ф. Энгельс и В. И. Ленин признавали и принимали диалектический приоритет «одного из ионийских философов», а советские философы, творчески развивая идеи марксизма-ленинизма, ввиду «непреодолимых филологических трудностей» так и не смогли определиться с местом Гераклита в материалистической диалектике.

Однако надо заметить, что советские историки марксистской философии и скрупулёзные филологи-реконструкторы текстов диалектики не были одиноки в своём подходе к (пере)оценке творчества Гераклита. Искали филологическую истину в текстах «одного из ионийских философов» и западные исследователи. При этом за право философа понимать тексты Гераклита философски (а не филологически) вступился именно К.Р. Поппер.

Отстаивая в дискуссии с Т. Э. Барнетом, Ч. С. Кирком и Дж. Э. Равеном (которые утверж-

дали, что все мыслители-досократики признавали наличие движения) приоритет Гераклита в открытии изменчивости (в его философском смысле и значении), К. Р. Поппер утверждает, что «они не могут увидеть разницы между утверждением милетцев “В доме имеется огонь” и гораздо более сильным утверждением Гераклита “Весь дом в огне”» [10, с. 250]. Но, по мнению «филологических» оппонентов К. Р. Поппера, огонь у Гераклита есть архетипическая форма материи и ничто в сохранившихся фрагментах не свидетельствует о том, что и скала, и бронзовый котёл постоянно подвергаются изменениям. Отстаивая право философа на свой, нефилологический, взгляд, К. Р. Поппер, будучи «вежливым» к высказываниям предшественников, отмечает: «Однако что бы ни означало слово “архетипический”, раз мы признали, что в сохранившихся фрагментах Гераклит говорит о том, что вся материя является огнём (в смысле архетипичности или каком-то ином), то, значит, он говорит, что вся материя подобно огню является процессом» [10, с. 251]. А как ещё можно интерпретировать Гераклита [11], не будучи предвзятым (включившись в построение масштабной идеологической системы), когда читаешь «обрывки» его мыслей: «Всё течёт, всё изменяется», «Всё становится и течёт, и нет ничего устойчивого», «Вся материя целиком изменчива, подвижна, обратима и текуча», «Все <вещи> состоят из огня», «Всё есть движение, и нет ничего кроме него», «Ничто никогда не есть, а всё всегда возникает».

Таким образом, отказавшись от партийной «герменевтики», мы лишаемся возможности не признавать, что, согласно Гераклиту и прежде всего Гераклиту, вся материя вовлечена в процесс, её (материи) вообще нет вне движения, вне изменения. И именно это положение вошло без каких-либо изменений в материалистическую диалектику – в мире нет ничего кроме движущейся материи. Меняется всё – и природа, и общество. И именно так поняли «тёмные» тексты Гераклита и Гегель, и Энгельс, и Ленин, и Поппер. И пусть они тем самым, как замечает специалист-филолог-историк С. Н. Муравьев, написали свою историю философии, которая отлична от филологической, а иногда и исторической аутентичности. Они и не претендовали на статус историка или филолога. Они, по большому счёту, даже не писали историю философии. Они создавали свои философские системы, включая в них своё понимание ранее наработанного человеческой мыслью. Г. В. Ф. Гегель, некогда обращаясь к историкам и филологам, которые рьяно боролись за букву истины текстов Платона, заметил: «Мы, следовательно, не нуждаемся в



дальнейших исследованиях, чтобы установить, что в излагаемых мыслях принадлежит Сократу и что Платону. Но, помимо этого, следует ещё заметить, что так как сущность философии всегда остаётся одной и той же, то каждый последующий философ включит и необходимо включает предшествующие философские системы в свою собственную; ему же, собственно принадлежит только тот способ, каким он их дальше развивает» [5, с. 125]. Очевидно, что Гегель не нуждался в дополнительных интерпретациях историков и филологов.

Ещё более спорным в своих интерпретациях и с ними связанных последствиях является утверждение Гераклита о единстве и борьбе противоположностей. Но именно это положение составляет фундаментальное ядро материалистической диалектики. Г. С. Батищев в «Философском энциклопедическом словаре» 1983 г. выверенно и согласованно пишет о законе единства и борьбы противоположностей, что это «один из основных законов диалектики, выражающий источник самодвижения и развития явлений природы и социально-исторической действительности, выступающий и как всеобщий закон познания. Закон единства и борьбы противоположностей в системе материалистической диалектики занимает центральное место, являясь сутью, “ядром” диалектики» [12, с. 183].

Для нас очень важно, что Г. С. Батищев вскрывает и истоки этого закона материалистической диалектики: «В истории философии первоначально сложилось представление о повсеместном сцеплении крайностей, об их чередовании и замещении друг другом, о том, что они “сходятся”. Из этого представления выросла концепция поляризма (например, у Лао-цзы, в пифагореизме), которая в иных формах воспроизводится и в ряде школ нового и новейшего времени (Шеллинг, Уайтхед, органицизм)» [12, с. 183]. И не поспоришь. Всё так и есть. Хотя материалистическая диалектика в качестве своего исторического прародителя имела всё же не Лао-цзы, а Гегеля и, соответственно, Гераклита. Более того, концепция недеяния (у-вэй), принятая в даосизме, отвергает споры, войны и распри и предполагает подчинение естественному процессу, гармонию с дао (путь возникновения, развития и исчезновения всех вещей), а не диалектическую распрю. Пишет Г. С. Батищев и о Гераклите, но после Лао-цзы и вскользь: «Собственно диалектика зарождается там, где вскрывается проблема противоречия; сначала противоречие обнаруживается в виде образа (“гармония лиры и лука” у Гераклита) или апории. Из античных философов наиболее

развёрнуто рассматривал диалектику единства и борьбы противоположностей Платон» [12, с. 183].

А. Ф. Лосев тоже обращает внимание на то, что среди досократиков было много философов, которые говорили о совпадении противоположностей: «К вышеизложенному следует добавить, что учение о совпадении противоположностей развивали почти все досократики, и наличие его у Гераклита ничем не выделяет его на фоне общей досократовской философии. Гераклит – это досократовская философия и эстетика вообще, и очень трудно сказать, чем он отличается от неё специфически. Это – общее досократовское эстетико-философское мировоззрение, выраженное в максимально яркой форме» [3, с. 403].

Трудно не согласиться с А. Ф. Лосевым. Ведь, говоря о том, что учение о совпадении противоположностей – это общее досократовское эстетико-философское мировоззрение, А. Ф. Лосев совершенно прав. Однако мы не рассматриваем вопрос об исторических приоритетах среди досократиков. В данном случае речь идёт о конкретных исторических предшественниках материалистической диалектики, среди которых, как известно, особое место занимает Гегель – философ, выделивший из всех досократиков именно Гераклита, а также открыто и без «оглядки» на будущих диалектико-филологических (ре)конструкторов включивший все положения «тёмного» учения в качестве основополагающих в свою философскую систему.

При этом, несомненно, А. Ф. Лосев делает большой значимости работу – он восстанавливает историческую справедливость, а также соответствие переводов и трактовок сути высказываний самого Гераклита. Однако на Гегеля и философию марксизма эта, открытая А. Ф. Лосевым, истина уже не может повлиять. И для Гегеля, и для всей последующей марксистской философии именно Гераклит был первым выразителем идей диалектики, причём именно в том смысле, в той трактовке, в которой её уразумел Гегель, а не переводчики и «реконструкторы» XX в. И в этой связи критика А. Ф. Лосевым Гегеля и Лассалья за неадекватную оценку творчества Гераклита, даже будучи вполне обоснованной методологически, филологически и исторически, может лишь снять вину (если допустить её существование) конкретно с Гераклита как с исторической личности за последующие грехи (если они есть) марксизма. Но эта критика уже не в состоянии изменить диалектической сути марксизма (методологической и мировоззренческой), причём в той интерпретации, которую привнёс Гегель своим пониманием Гераклита.



Идея единства и борьбы противоположностей, даже если она исходит сразу от всех досократиков или только от Лао-цзы (предельно миролюбивого), будучи по-своему интерпретирована и принята на вооружение Гегелем, Марксом и их последователями, уже воплотилась не только в теоретических конструкциях, но и в реальных делах и в связи с этим не может быть отменена или изменена историческими и филологическими реконструкциями.

Г. В. Ф. Гегель, «оправдываясь» перед скрупулёзными знатоками языков и истории за «неправильное», «неадекватное» понимание им философии «древних», продемонстрировал и свою точку зрения: «Если философы высказываются о философских вопросах, они необходимо должны следовать своим идеям; они не могут спрятать их в карман. Даже в тех случаях, когда они говорят с некоторыми людьми внешне, идея всё же содержится в том, что они высказывают, если только оно не бессодержательно. Для передачи какого-нибудь внешнего события требуется немного, но для сообщения идеи требуется умение. Она всегда остаётся чем-то эзотерическим, и философы никогда не дают исключительно эзотерическое учение. Всё это – поверхностные представления» [5, с. 124]. Для преодоления буквенного смысла нужна работа мысли. Эзотерическое, будучи понято ограниченным кругом людей, не скрывается специально от других – филологов, историков и пр. Г. В. Ф. Гегель в этой связи замечает: «Но эзотерическим является спекулятивное, которое, хотя бы оно было написано и напечатано, всё же, не будучи тайной, остаётся сокрытым для тех, кто не хочет делать усилия мысли» [5, с. 169].

Поразительно, но при чтении советских авторов-энциклопедистов возникает впечатление, что Гераклит имеет лишь косвенное отношение к диалектике и то посредством метафоры «гармонии лиры и лука».

Фиксируя роль Гераклита в открытии диалектического закона единства и борьбы противоположностей лишь как обнаруженное и сформулированное им образное противоречие «гармонии лиры и лука», советские философы-энциклопедисты почему-то не упомянули о других, более диалектичных высказываниях «одного из ионийских философов».

«Гармония лиры и лука» в текстах, составляющих доктрину Гераклита о слиянии противоположностей, тоже была, но был и целый ряд других высказываний, которые, приняв «правило вежливости» Декарта, нельзя интерпретировать иначе, как первые формулировки диалектического закона единства и борьбы противоположностей. Вот они, переведённые, систематизиро-

ванные и реконструированные знатоком языков и истории С. Н. Муравьевым: «Сущее одновременно множественно и едино и держится через вражду и дружбу»; «Космос состоит из противоположностей: сухих и влажных, холодных и горячих...»; «Части мира (единого) состоят из пар противопоставленных друг другу <свойств>»; «Единое состоит из двух противоположностей, которые себя проявляют, стоит его разделить» [11, с. 132]; «Противоположности тождественны: белое и чёрное, хорошее и дурное, сладкое и горькое» [11, с. 135]; «Противоположности существуют в качестве <свойств> одного и того же»; «Противоположности взаимно тождественны»; «Противоположности сводятся к одному и тому же»; «Противоположности – единое» [11, с. 137]; «Противоположности – начала, и стоит другой противоположности исчезнуть, чтобы Всё уничтожилось и исчезло» [11, с. 136]. И это далеко не все изречения Гераклита в отношении единства и борьбы противоположностей. Гераклит [11], всё в том же переводе и реконструкции, приводит много примеров, поясняющих идею единства и борьбы противоположностей: «расходящееся всегда сходится»; «не понимает того <большинство>, как Единое расходясь с собою согласуется: противобратная гармония (лад), как у лука и у лиры» [11, с. 197]; «ведь совпадают конец и начало у ободка колеса» [11, с. 198]; «мёрзя воды – самые чистые и самые грязные: для рыб они сладостны и спасительны, для нас же – гадостны и губительны» [11, с. 200]; «путь вверх – вниз один и тот же: <путь прямой>» [11, с. 205].

Можно много спорить о значении закона единства и борьбы противоположностей для истории природы и общества, для поиска истины. Так оно и было, начиная с первых его формулировок, сделанных Гераклитом. Аристотель [13], как известно, довольно едко высмеивал этот диалектический закон. С его точки зрения, «люди, выставляющие это положение (утверждающие возможность противоречия), уничтожают сущность и суть бытия» [13, с. 65]. Не было единого взгляда на этот закон и в советской философии. Хотя, уже приняв диалектику как метод и мировоззрение, советские философы не дискутировали о допустимости противоречия в природе и мышлении. Противоречивым должно быть всё. И всё зиждется, движется и развивается на основе противоречий. Поэтому разногласия между советскими философами были иными (см., например, у В. В. Черникова [14]): одна «фракция» настаивала на ортодоксальном принятии противоречия («противоречия одновременно истинны»), идущем вразрез с формальной логикой, другая



– предлагала некую редакцию, которая позволяла включать в рассуждения противоречия, но так, чтобы не нарушать закона (не)противоречия формальной логики. Однако «отсутствие единого мнения» на «диалектическую» сущность закона единства и борьбы противоположностей не привело советских философов к забвению самого закона, как это почти произошло с приоритетом Гераклита в области диалектики по причине отсутствия «сколько-нибудь общепринятого понимания» его учения. И эта, окаймлённая принципом партийности, позиция советской философии в отношении закона единства и борьбы противоположностей и его автора не может не вызывать удивления.

Чем провинился Гераклит перед советскими философами? Почему понадобилось реконструировать отведённую ему «классиками» роль в основоположениях марксизма? Однозначных ответов на эти вопросы у меня нет. Есть лишь гипотеза: Гераклита следовало умерить, не допустить всего до массового читателя, получающего образование, так как, будучи фактическим родоначальником диалектики – метода и мировоззрения «передового класса» на Земле, он питал и открыто озвучивал ненависть к простым труженикам, считая их безвольными и ленивыми, далёкими от истины и от праведной жизни, которые, будучи движимы порочным безрассудством, предаются неутомимой страсти и стяжанию славы, и при этом лишь игра случая поднимает этих людей выше тех, которые многократно их превосходят своими человеческими достоинствами. Лингвистика и история в этой программе реконструкции играли лишь вспомогательную роль, хотя сами исследователи, скорее всего, были честны перед буквой истории и историей буквы.

Список литературы

1. Муравьёв С. Н. Гераклит // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 109–110.
2. Лосев А. Ф., Спиркин А. Г. Диалектика // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 154–158.
3. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. М., 2000. 624 с.
4. Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. Т. 29. Философские тетради. М., 1977. 783 с.
5. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии : в 3 кн. Кн. первая. СПб., 2006. 350 с.
6. Мамардашвили М. К. Лекции по античной философии. СПб., 2012. 320 с.
7. Копнин П. В. Философские идеи В. И. Ленина и логика. М., 1969. 484 с.
8. Поннер К. Р. Открытое общество и его враги : в 2 т. Т. 1. Чары Платона. М., 1992. 448 с.
9. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведённый господином Евгением Дюрингом. М., 1973. 483 с.
10. Поннер К. Р. Предположения и опровержения : рост научного знания. М., 2008. 638 с.
11. Гераклит Эфесский : всё наследие. М., 2012. 416 с.
12. Батушцев Г. С. Единство и борьба // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 183.
13. Аристотель. Метафизика. М., 1934. 348 с.
14. Диалектическая логика / под ред. З. М. Оруджева, А. П. Шептулина. М., 1986. 298 с.

Heraclitus in Materialistic Dialectics: Philological Search of Truth or Utilitarizm of Party Philosophy?

V. I. Zhilin

Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow State University' Branch in Omsk
195, block 18, 10 let Oktyabrya str., 644009, Omsk, Russia
E-mail: ZhilinVI@yandex.ru

In the research the author found out that the materialistic dialectics which has absorbed in «put on feet» to Hegel's dialectician, at the same time separates from Heraclitus's ideas which were unconditionally accepted by Hegel. According to the author, sources of such relation of the Soviet philosophers to Heraclitus result from ideological installation according to which the mass consumer shouldn't have known all «fragments» of heritage of Heraclitus since being the ancestor of dialectics – a method and outlook of “the advanced class”, it fed hatred for simple workers, including their weak-willed and lazy, wide of the mark and from just life, vicious and reckless which only the case lifts above worthy people.

Key words: Heraclitus, dialectics, materialistic dialectics.

References

1. Muravev S. N. Geraklit (Heraclitus). *Filosofskiy enciklopedicheskiy slovar* (Philosophical encyclopedic dictionary). Moscow, 1983, pp. 109–110.
2. Losev A. F., Spirkin A. G. Dialektika (Dialectics). *Filosofskiy enciklopedicheskiy slovar* (Philosophical encyclopedic dictionary). Moscow, 1983, pp. 154–158.
3. Losev A. F. *Istoriya antichnoy estetiki. Rannyya klassika* (History of ancient aesthetics. Early classics). Moscow, 2000. 624 p.
4. Lenin V. I. *Poln. sobr. soch. : v 55 t. 5 izd. T. 29. Filosofskie tetradi* (Complete works: in 55 vol. 5 ed. Vol. 29. Philosophical writing-books). Moscow, 1977. 783 p.
5. Hegel G. W. F. *Vorlesungen Über die Geschichte der Philosophie. Werke in 20 Bänden. Band I.* Berlin; Leipzig, 1833. 452 s. (Russ. ed.: Gegel G. V. F. *Lektsii po istorii filosofii*: v 3 kn. Kн. pervaya. St.-Petersburg, 2006. 350 p.).
6. Mamardashvili M. K. *Lekcii po antichnoj filosofii* (Lectures on ancient philosophy). St.-Petersburg, 2012. 320 p.
7. Koptin P. V. *Filosofskie idei V. I. Lenina i logika* (Philosophical ideas of V. I. Lenin and logic). Moscow, 1969. 484 p.



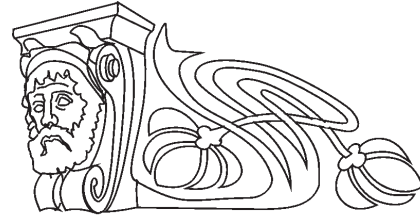
8. Popper K. R. *The open society and its enemies*: in 2 vol. Vol. 1. The spell of Plato. London; Henley, 1966. 470 p. (Russ. ed.: Popper K. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi*: v 2 t. T. 1. Chary Platona. Moscow, 1992. 448 p.).
9. Engels F. *Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft*. Leipzig, 1878. 488 s. (Russ. ed.: Engels F. *Anti-Dyuring. Perevorot v nauke, proizvedenny gosподinom Evgeniem Dyuringom*. Moscow, 1973. 483 p.).
10. Popper K. R. *Conjectures and refutations. The growth of scientific knowledge*. New York, 1962. XII + 412 p. (Russ. ed.: Popper K. *Predpolozheniya i oproverzheniya: rost nauchonogo znaniya*. Moscow, 2008. 638 p.).
11. Geraklit Efesskiy. *Vse nasledie* (All heritage). Moscow, 2012. 416 p.
12. Batishev G. S. *Edinstvo i borba* (Unity and struggle). *Filosofskij jenciklopedicheskij slovar* (Philosophical encyclopedic dictionary). Moscow, 1983. P. 183.
13. Aristotle. *Metafizika* (Metaphysics). Moscow, 1934. 348 p.
14. *Dialekticheskaya logika* (Dialectic logic). Ed. by Z. M. Orudzhev, A. P. Sheptulin. Moscow, 1986. 298 p.

УДК 101.1

РОЛЬ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ МИФОЛОГИИ

Иванов Андрей Геннадиевич –

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры государственной, муниципальной службы и менеджмента, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Липецкий филиал
E-mail: agivanov2@yandex.ru



В статье рассматривается трансформация системы социальной мифологии под воздействием рациональности. Система социальной мифологии представлена как совокупность онтологической, гносеологической, аксиологической и праксиологической подсистем. Рациональные составляющие с развитием науки проникают в социальную мифологию, изменяя содержание её основных свойств: от распада синкретизма в Античности до возникновения мифологии массового человека в XX в. Особое внимание уделяется утопии как разновидности рационализированного социального мифа. Делается вывод о том, что научная рациональность существенно изменила содержание всех подсистем социальной мифологии.

Ключевые слова: рациональность, система социальной мифологии, синкретизм, утопия, мифологическое сознание.

В статье будет сделана попытка определить, как связаны друг с другом рациональность, рациональное знание, с одной стороны, и миф, мифологическое знание, с другой стороны; как рациональность влияет на социальную мифологию.

Обратимся к определению понятия «рациональное знание», к его свойствам. Так, в энциклопедии С.А. Лебедева отмечено, что рациональное знание обладает следующими свойствами: понятийно-языковая выразимость, определённости значений и смысла понятий (терминов) и суждений (высказываний); системность (субординация и координация всех понятий и суждений на более существенные и менее существенные, на основания и следствия, на основные и производные элементы); логическая обоснованность всех по-

нятий и суждений (редукция одних понятий к другим с помощью аргументации); открытость критике, способность к изменению и совершенствованию под влиянием новой информации, внешней и внутренней критики; общезначимость (по крайней мере, для профессионалов данной области); полезность (возможность использовать для достижения конкретных адаптивных целей) [1, с. 518].

Следует отметить, что такие свойства рационального знания, как системность, общезначимость, полезность присущи и мифологическому знанию. Другое дело, что эти свойства проявлялись в ситуации доминирования мифа в обществе и не могут пронизывать всю совокупность сегодняшних общественных отношений.

Иное понимание рациональности мы встречаем у К. Хьюбнера. В работе «Истина мифа» он связывает с понятием «рациональность» представления о познаваемости, обосновываемости, последовательности, ясности и общеобязательной приемлемости [2, с. 220]. Понятие рациональности у К. Хьюбнера оказывается во многом тождественным понятию интересубъективности. Рациональность выражается через интересубъективность: семантическую (ясность и общая приемлемость понятий и построенных на них суждений); эмпирическую (приемлемость и признанность фактов); логическую (логически обоснованные выводы); операциональную (например, вязка, конвейерное производство);